

Эльвира Олеговна Пархоц родилась в городе Воронеже. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета. Работает в лингвокраеведческой лаборатории, участвует в диалектологических экспедициях; больше десяти лет выступает в составе фольклорного ансамбля. Автор четырех сборников стихотворений. Лауреат Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2019), премии «Кольцовский край». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Эльвира Пархоц

ЗАРЯ НАД ПОЛЕМ

Этнографический постапокалипсис

К вечеру от реки поднялся туман. Растянулся над лугами тонкой, долгой куделью. Алое солнце ушло за холмы, за старые стога и рощу. Улеглось где-то там, накрылось пепельными облаками, и казалось, что если сейчас побежать туда по росе — увидишь, как оно лежит, круглое, мерцающее, посреди поляны.

От брошенного хутора напознала тьма. Свиристал у дороги сверчок.

Райка послушала — и не выдержала простой, торжественной тишины: вышла к лугу, глянула на туман и растрепанную полынь — запела. Ее голос, сильный, чуть грубоватый, будто сплетался со старой полынью, дрожал на верхах, как вода у берега речки, долетал до глухого неба и медленно скатывался обратно на луг.

Летіла зозуля через мою хату,
Сіла на калині та й стала кувати.

Чого ж, зозуле, ой, чого ж тикуюш?
Хібати, зозуле, добро в мене чуєш?¹

Из палатки высунул голову Серый. Чтоб тебя... Так тихо было, хорошо после жаркого дня — нет. Стоит человек посреди полей и орет. А чего не орать, если силы есть: на веслах сегодня, считай, был один Серый. И, как назло, мазь закончилась — нечем лечить растертые до красных шишек ладони. А Райка знай наяривает, уже другую.

Зимував я зиму,
Зимував я другу,
Зимував я в лузі на калині...¹

Про зиму — это она верно. Август закончится, вода в ключевой речке и так не теплая... а там и дожди. Неуютно будет сплавляться. Надо где-то осесть, найти одежду на зиму...

— Райка, — позвал Серый. Она не слышала: выводила голосом какую-то завитушку. — Райка-а!!

Обернулась.

— А?

— Хорош тоску наводить.

— Ой, да иди...

— Я б пошел. Некуда.

— Что случилось-то? Степушка опять беспокоится?

— Спит твой Степушка. Хватит, говорю, вопить.

Райка отмахнулась и побрела к речке. Встала у лодки, высунувшейся на берег, как диковинное шероховатое существо.

Ты заря моя, зорюшка,
Ранняя заря утренняя...
Молодая княгиня Марья
Обошла горы зарею,
Вдарила ворота тучею —
Пролил силен дождь по двору.
Сама поплыла лебедью,
Лебедушкой белою...¹

А это — мелкими и ровными волнами-перекатами.

— Твою дивизию, — пробормотал Серый, выбираясь из палатки. Костер погас, а спичек осталось немного. Серый отодвинул полешки, разгреб палкой верхние угли, добираясь до алой сердцевины. Вот она — переливается, словно пульсируя. Он подбросил веток и принялся раздувать огонь.

От запаха древесного дыма сразу захотелось пожевать чего-нибудь, а лучше с чаем. В закопченном чайнике еще оставался отвар, который Райка делала: чабрец вперемешку с другой полевой растевухой. Это, пожалуй, единственное, что Райка хорошо умеет, — заваривать чай, душистые, горьковато-неповторимые.

Вот угораздило встретиться. Институтское дитя, в деревне не жила, а туда же...

Райка пошла вдоль реки, напевая уже тихо, переместив звук на связки, отчего он стал мягким и сиплым. Потом умолкла совсем.

Стемнело. Туман над водой стал паутиными мостками. Река негромко лепетала у коряг, и было не различить: водоросли там колышутся или выбрался на охоту скользкий ночной житель.

Вот так, бывало, раньше выезжали с ребятами. Так же тянулись туманы, журчала черная вода, пахло костром и холодным ночным небом. Но тогда вдали были огни деревень. Там перебрехивались сонные собаки, кто-то слушал громкое «тыц-тыц» или заводил дребезжащий двигатель. Проезжали по дальней трассе машины... А сейчас была тишина. И пустые поля.

В темноте подкрадывалось беспокойство. Казалось, что не от течения

движется осока у берегов. И не туман смутно белеет вон там, среди серых лозин.

Райка смотрела на реку, и тишина начинала давить — навязчиво, неразборчиво нашептывать тревожное. Как будто говорило само прошлое, голоса всех, кто ушел так быстро и странно.

Эхо мира и войны, чьих-то невыполненных обещаний и непрожитых судеб. Высокий, дрожащий звон. Почему-то подумалось, что звенит оборвавшаяся цепочка истории. Еще немного — и расслышишь в тишине слова, полубезумные, печальные, потерявшие смысл.

Пора было возвращаться, но удерживало почти любопытство — доуслышать, увидеть то, на что закрываешь глаза.

И Райка увидела. Заметила краем глаза движение. Беззвучно ахнула, прикрыв рот ладонью.

По противоположному берегу шла горбатая тень. Шла неслышно. Она напоминала человеческую, только была намного выше, ссутуленная и — почудилось Райке — с длинными, свисающими как плети руками. Тень медленно проплыла среди зарослей, не повернув головы, и скрылась за ними.

Райка проморгалась. Сердце колотилось часто-часто; казалось, его слышно на том берегу. Мысли кружились, как мошки возле фонарика. Райка боялась двинуться, пошуршать травой.

Наконец свистопляска в груди поутихла. Ну же, посмотри внимательно. Там просвет между ивами. Их ветки еле заметно колышутся; ветер. А в просвете — край горбатого облака. С перепугу сложишь черт знает чего. Да и не разглядишь отсюда в темноте ничьих рук...

«Если в дверь стучатся брюки...» — Райка тихонько хмыкнула. Не хотелось поворачиваться спиной к тому, что скрыл другой берег, но не стоять же здесь в одиночестве.

Серый поддел палочкой картофелину и аккуратно перекатил на другой бок, подальше от огня. Услышав шаги, поднял голову.

— Напелась?

— Там... ходит там кто-то, — Райка присела у костра, зябко поежилась.

— На. Эта испеклась вроде.

— Говорю, видела кого-то. На том берегу. Тихо-тихо шел, высокий, кривой...

— Ага, в простыне и гремел цепями. Хватит накручивать. Одни мы тут. Сегодня одни, вчера. И состаримся в одиночестве, и помрем тоже.

Серый поворошил угли и добавил:

— Не станет никто по кустам ховаться, делить теперь нечего. Прибегут, как ты, с распростертыми.

— Как будто сам не бежал...

От костра отлетела одинокая искра.

— А может, за сто километров полно людей. Просто сюда не идут: боятся.

— Чего им бояться?

— Последствий. Сам же говорил...

— А ты веришь?

Слишком явно разливалась по лугам безлюдная тишина. Были бы там, за горизонтами, люди — не молчали бы радиостанции. Хоть однажды бы в чистом небе пролетел самолет.

— Что с ними стало?

— Опять двадцать пять, — Серый укусил картофелину.

— Ты сказал про какое-то оружие. Но ведь наугад сказал? Просто что-бы себе объяснить.

— Может быть.

С Серым всегда так: то ли шутит невесело, то ли врет и сам верит; а может, выдает обрывочную, злую правду. Говорит, воевал. А где, с кем... совсем ведь мальчишка, не старше Райки.

— Мне ж не докладывают. Видел то же, что ты. Накатило, задрожало... Дома остались, вещи их... машины все встали разом... И солнце светило. Ветром пакет какой-то гнало. А я стоял и ждал, когда исчезну сам. Долго стоял. Наверно, они и не почувствовали ничего.

— А мне кажется, их забрали, — Райка все водила руками над углом: не могла согреться. — В городах ни собак, ни крыс. Тараканов — и тех нет. А здесь вот сверчки, ящерицы, рыба в реке...

— Ага. И комары.

Райка обхватила руками колени, положив на них подбородок. В глазах отражался огонь.

Серый как-то рассказывал, что во время болевого шока самой боли не чувствуешь. Может, врал.

...Она тогда впервые разбила стекло. Нашла обломок кирпича и разбила. Витрина расплескалась, по ней побежали трещины, но осыпаться полностью стекло не хотело. Пришлось идти во дворы, брать штырек от метлы и добывать, откалывать острые края. А машины на улице по-прежнему глупо скалились, и на асфальте качались тонкие одуванчиковые стебли.

— Это кто-то хотел нас троих изучить...

Серый дремал. Не нравились ему такие разговоры, старые, как в книжках. Не повзрывалось ничего — и ладно.

Брезент у входа в палатку зашуршал. Вылез, жмурясь от костра, взъерошенный Степушка.

— Иди сюда, хороший. Выспался? — заулыбалась Райка.

— Кы-ы...

— Картошечка, да. Садись.

Серый, очнувшись, тихонько сплюнул. Сколько проблем с этим кренделем — а она еще и сюсюкает... Хотя, может, так прикрывает свою боязнь.

Степушка подбрел к костру и уселся прямо на землю. Высокий, весь какой-то удлинённый и нескладный. Трудно сказать, сколько ему лет: щетина не растёт, а волосы на голове редкие, будто уже начал лысеть. Он взял обеими руками чищеную картошку и стал запикивать в рот.

Степушку они встретили возле реки. Колобродил в кустах так, что за версту было слышно, и болтал про какую-то «забиваку». Наверное, искал колышек, чтобы строить шалаш. Серый его поначалу и прозвал Забивакой, но Райка переделала в Степку.

Встретив его, оба почему-то почувствовали: круг замкнулся. Звенья собраны, некого больше искать.

Первые ночи, еще до Степушки, они дежурили. Потом устали и отказались. Водить машину никто не умел, а пешком тащить на себе весь скарб не хотелось. Тогда Серый и вспомнил о старом причале.

О прошлом они говорили мало. У каждого оно было свое и не имело отношения ни к изгибам реки, ни к стрекоту кузнечиков, ни к шелесту ветра в колосьях. Была странная неслышанная правда в этих колосьях, в том, как скатывались капли дождя с листьев мать-и-мачехи.

Райка лежала, накрывшись спальником, и глядела в сетчатое оконце палатки. Там покачивалась ветка в ночном небе. Тишина снаружи опять навевала тревогу. Невольно подумалось: а далеко ли отсюда мост или брод?..

Слева дышал Серый. Тоже не спал: было слышно, как смежаются и размежаются веки. Поодаль, за рюкзаками, прихрапывал Степушка.

— А ты правда на войне был?

— Был.

— И людей убивал?

— Да.

— Наших? Или вот его?.. — Райка взглянула в темноте на Степушку.

— Всяких. Своих.

— И много?

— Руки в крови по локоть.

— Да врешь ведь. Дома в стрелялки рубился.

— Вру. Спи уже, хватит мозг выносить.

Она лежала неподвижно, согрешаясь и на что-то сердитая. Странная у них семья. Не то братья с сестрой, не то давно разругавшаяся пара.

Серый подумал и, протянув руку, молча подгрел к себе Райку. Уткнулся лицом куда-то за ухо.

— Одурел, что ли? Тут же Сте...

— Степа дрыхнет, как Т-34.

— Отвянь, сказала, — Райка выпросталась из-под руки, отпихнула его и уползла к рюкзакам. — Еще родить в чистом поле не хватало.

— А мы можем...

— Вот нашло... Завтра вставать рано. Были вы извращенцами и остались, — она повозилась в темноте и затихла. Задышала ровно: уснула.

Серый вслушивался в ночь.

Журчит вода у гнилых коряг. Видно, старая бобровая плотина.

Вдруг он насторожился. Мирный, привычный когда-то звук — далеко-далеко залаяла, подвывая, собака.

Может, прошлой ночью он и вылез бы из палатки, посвистел... Но сейчас лишь порылся в углу, где стояла посуда, нашарил нож и положил рядом с собой.

Лай больше не повторялся.

Постепенно Серый стал забываться: тело теряло чувствительность, растворяясь в темноте; ночные шорохи переплетались; россыпь золотых звезд перед глазами превращалась в силуэты людей. И кто-то из них беззвучно кричал, раскрывая рот, на земле — наверное, раненый. Было в этом молчаливом крике что-то нечеловеческое и тоскливое, как в волчьем вое...

Крик разбудил его. Серый сел, хлопая в темноте глазами, спросонья толкнулся лбом в брезент.

Орал Степка. Без слов, горько, с подскуливанием.

— Степушка-а... — всхлипнула Райка. — Успокойся...

— А ну прекратить концерт! Сейчас обоих к речке спать отправлю, — Серый нашел, наконец, фонарик, включил. Степушка повернулся на свет захлопанным лицом, зажмурился. Орать перестал, только подрагивал.

— Кошмар приснился, что ли? Услышал что-нибудь?

— Не зна-а...

— Может, у тебя болит что? — засуетилась Райка, разворачивая его к себе. — Ты скажи, не стесняйся...

— Еще поцелуйтесь, — процедил Серый, укладываясь обратно. — У него каждый раз: если ночью проснется — орет. Моцион. Дети — они такие.

— Циник. Совести в тебе нет.

Серый покивал и закрыл глаза. Степушка опять угнездился в своем углу, носом во влажную стену. Райка погасила фонарь. Недолгое время молчали.

— Ты спишь, Серый?

— Да.

— Расскажи что-нибудь.

Он усмехнулся.

— Ну слушай.

Я не уверен, что это внезапная смерть,
Я не уверен, что пуля навывлет прошла,
Но я рождаюсь опять в прогоревшей весне,
Я вырастаю и снова хватаюсь за флаг...

Райка слушала, почти касаясь головой его плеча. За стенами палатки начинался короткий ночной дождь.

И я не помню, в кого в прошлой жизни стрелял,
Я только знаю, что в этой они против нас.
Тянулись ветки к горячим живым снегирям,
Клонилось небо, в котором закат не погас...

Шепот Серого был твердым, скорым и четким.

И я, спустя столько метких привычных смертей,
Своих-чужих бесславно взорванных битв,
Стрелял, стрелял с остервенением в тех,
Кто убегал, кто отступленья трубил...

Сквозило торжественное, заговорщическое воодушевление в его шепоте.

Здесь не бывает прошедших войну до конца,
Здесь те, кто всегда рождены воевать.
Я не прощаю их всех, не поднимаю лица,
И снова чувствую, как тело оплетает трава.
И, выходя на новый непрожитый круг...²

— Хватит, — тихо сказала Райка.

— Чего, не понравилось?

— Никаких «их» не было, только мы и наша погань. Она все уничтожила. Сами с собой и воюем.

— Вот как...

Райка вдруг поняла, кого видела на том берегу. Собственный страх она видела.

— Давай спать.

Двое лежали рядом. Тихо накрапывал дождь, а утро было, наоборот, ясным.

Они возвращались вдвоем по лугам с привычной утренней разведки, неся полупустую сумку. Стрекотали под солнцем кузнечики. Спина у кузнечика в августе чешется, что ли, — он трет быстро-быстро лапками по крыльям и стрекочет. Пахло шалфеем и растертой между пальцев полынью.

— Иди глянь, — Серый указал на заросший травой бугорок.

— Ну, гусеница от трактора. И что?

— Не от трактора, а от танка. Звенья, видишь, какие.

— Ржавые.

А кузнечики заливались.

На бугорке сквозь металлические сочленения прорастали низенькие стебли, похожие на укроп. Они обычно цветут желтоватыми пуговками.

— Ерунду говоришь какую-то. Не наигрался.

Райка смотрела, как тянутся за горизонт кучевые облака. Донца у них были плоские, и казалось, что облака ползут по невидимому стеклу.

Серый шарился в траве у бугорка. Вот неймется ему... Все, что нужно, на заброшенном хуторе уже взяли. Пора в путь, пока солнце невысоко.

— Оп-паньки. Что нашел...

— Двигатель от подводной лодки?

Серый, усмехаясь, поднял руку. Ярко блеснуло отсветом лезвие. Прищурился.

— Ну нож. Своих мало, что ли?

У них было два хороших ножа — резать рыбу и очинять колышки.

— Это не просто нож. Боевой. Такие на дороге не валяются.

— Дай, — Райка взялась за рукоять, повертела, подержала на ладони. Солнце сверкнуло на чуть загнутом кончике светлой каплей. — А помоему, туристы потеряли. Только странно, что новый.

— Да-а... тяжело с бабами.

— Выкинь ты его. Еще таскать с собой.

Солнце грело отрешенно и ласково, заливая теплом луга, и по-прежнему пахло травами. Но здесь не было спокойно. Ночные видения, теперь этот нож... «Сейчас вернемся, палатку смотаем и поплывем».

Серый, однако, не торопился. Сидел со своей находкой, как замороженный. Вроде Степушки, когда тот найдет какую-нибудь бутылку, лупит ей по воде, радуется и показывает: «Гля, гля...»

— Вот прямой хват, — чистое лезвие смотрит вверх, рука сжата, аж костяшки побелели. — А это обратный...

От того, как умиленно Серый игрался с ножом, стало не по себе.

— Пошли, бесноватый. На обычных покажешь.

— А бить знаешь как?

— Кого?

— Врага.

— Тебя, что ли? Когда шарики за ролики заедут?

— Да хоть бы и меня, — Серый глянул вдаль, вздрогнул и уже не улыбался. Воткнул нож в землю. — Пойдем. Ну его.

Двое шли мимо ольховой рощи, задевая сухие лохмы конского щавеля. Он тихонько звенел.

— Степушка сегодня шепутной какой-то. Может, надо было его с собой взять?

— У тебя другие мысли есть вообще? Не случится с этой колодой ничего. Главное, чтобы на палатку не мочился, как тогда.

Райке захотелось ударить Серого. Не от обиды за Степку и даже не оттого, что не слушал ее никогда. «Не вопи, не хнычь, не умничай, ага, как же...» Просто в размеренных движениях Серого, в его усмешке всегда было странное, зловещее торжество. Может, те обрывочные бредни, которые он рассказывал, — правда? Может, скучает по тем временам, когда у него была цель? Интересно, а пощадил бы Райку?.. Колько и холодно от его взгляда.

Шрам у него на груди небольшой, похожий на крестик. Вначале говорил — стрелянный; потом забыл и обмолвился, что в ножевой драке... Райка в шрамах не разбиралась, да и ловить на слове не хотела.

А может, цели своей он добился? Ему привольно и хорошо. Все луга и зори, рыба в реке, все дома и вещи — его. И двое, которые следуют за ним безоговорочно. Бухтят, жалуются, но замолкают, когда он прикрикнет.

Солнечный свет в глазах Райки тускнел. Поднималась глухая, затаенная ярость.

Да кто он такой? Почему рядом с ним страшно? Иногда так, что не хочется рассматривать в костровых отсветах его лицо.

Легким ветерком пробежало по траве: «Враг...» Повеяло в лицо с горизонта: «Враг...» Разлилось в луговом звоне, отдается в ушах, в мозгу — почему раньше-то не увиделось? — «враг».

Война не окончена, пока под твоим кровом тот, кто виновен. Виновен в том, что их нет — даже тех, кто хранил вековые песни. А он жив и идет, стаптывая шалфей.

Все это высветилось внезапно, точно отблеск на лезвии.

— Рай, ты куда?

— Куда надо, — огрызнулась она, направляясь к кустам.

— Со страху, что ли? — хохотнул вслед Серый. Чувствует.

Райка влезла в заросли и недолгое время смотрела, как он не спеша удаляется к берегу. Потом продралась через ветки в обратную сторону, оглянулась еще раз и бросилась к бугорку. Подбежала, запыхавшись, путаясь в травах.

Нож словно ждал ее. Покорно и удобно лег в руку, увесистый, новый. Куда б его спрятать... еще напорешься... Примотала бечевкой к поясу наискос, вроде шпаги, обвязалась поверх курткой — как будто ей жарко. Неуклюже, но незаметно.

И скорым шагом отправилась в лагерь. Солнце ползло к зениту.

— Чтоб тебя!.. — услышала Райка, подходя к берегу. — Макака бесхвостая! — и жалобное мычание Степушки. Из прибрежных кустов показался Серый, вытряхивая на ходу спальник.

Оказалось, устав их ждать, Степка решил порыбачить. Это дело он знал хорошо. Вот только земля у реки после дождя была сырая. Степушка, недолго думая, вытащил из палатки спальник Серого и подостлал под себя, белой изнанкой на топкую землю. А Серый любил чистоту и размеренность.

— Руки пообрывать, — он досадливо отпихнул крутившегося тут же Степушку.

— Не смей, — глухо сказала Райка.

— Что?

— Не смей. Говорить. И трогать его не смей.

Она стояла спиной к солнцу — растрепанная и строгая. Штаны заправлены в ботинки, подпоясана курткой... смешная девка.

— Так, давай коврики скатывай и в лодку носи. Очертенеешь с вами.

— Сам отнесешь.

— Не понял, — Серый поднялся с корточек. — Бунт на корабле?

— Ударить решил? — голос Райки был ледяным. Серый и вправду хотел если не отлупить их обоих, то объяснить жестко и доходчиво, что хватит дурить. Но осекся.

В правой руке Райки холодно блеснуло.

— А-а, — понимающе кивнул Серый. — Брось, говорит, от греха подалее... Вот оно, значит, эхо войны. А чего не в спину? — Он выжидающе перемялся с ноги на ногу.

— Стой, не двигайся!

— Что, боишься — не попадешь? В живот можно. Для сердца, конечно, сноровка нужна...

Райка скользнула глазами в сторону: где Степа. Ходит возле палатки, ловит что-то в траве.

— А не боишься, — Серый снова ухмыльнулся, щурясь от солнца, — что я потом тебя вместе с Забивакой твоим?.. И будут два призрака у реки шататься. А?

— Тварь, — выдохнула Райка и кинулась. Ударила с размаху, сверху вниз. Серый перехватил ее руку и мертво сжал, выворачивая. Райка дернулась раз, другой, стукнула его по плечу и разомкнула пальцы.

— Наигралась? — Серый отступил на шаг. Уже не ухмылялся. Рука чуть согнута в локте, нож на уровне бедра, острием вверх. Как там — прямой хват?.. И шагнул к Райке. Она даже не отступила.

Взгляд у него был... наверно, такие глаза у пискливых и наглых из подворотен, которые за кошелек горло перегрызут. Даже нет — виделось в этом взгляде, как за рекой горят хаты.

И вдруг Серый согнулся, поник всем телом. В глазах промелькнуло странное и погасло — ушло, вытекло через пальцы, отползло от него, схлынуло. Рука опустилась совсем, пальцы беспорядочно теребили рукоятку.

Накатил не страх, не отчаяние, не злость, а как будто ведро воды на голову вылили: что ж это с нами творится?..

Серый отвернулся, поглядел на реку. Там золотилась мелкими лодочками зыбь.

— На, — хрипло выдавил он, протягивая нож. — Возьми и выкинь. Только чтобы я видел.

Райка осторожно, как хрупкую, непонятную вещь, приняла, посмотрела на Серого, на его вдруг осунувшееся лицо. А потом зашвырнула нож в реку. Он плюхнулся где-то в камышах.

— Мазила, — фыркнул без улыбки Серый и пошел сворачивать палатку. Постояв немного, Райка потянулась за ним.

Собирались молча.

* * *

— Степка! Сте-о-опка-а! Иди сюда, дуралей, вылезай!..

Его нигде не было. Десять минут назад тут крутился, а как отплыть — будто канул.

— Может, поиграть решил?

— Ага. После такого махача я б тоже в прятки играл.

— Степушка! Эй! Не бойся, мы баловались!

— Пошли по кустам. Небось опять рыбу ловит.

Разделяться не стали. На рыбачьих местах, все еще натоптаных, с покосившимися мостками, Степушки не было тоже.

— Не утонул же он. Хоть и дурак, но в одежде не купается. А если б случайно бултыхнулся — тут везде у берега по колено...

Солнце трепетало на листьях. Вода говорила часто-часто о своем, житейском и светлом, и не верилось, что здесь, сейчас еще может остаться зло.

Наваливалась усталость. Не хотелось куда-то грести.

— Да здесь он где-нибудь. Может, до ветру человек отошел. И заснул под кустиком. Подождем — вернется.

У осоки сидели стрекозы. Синие, со звенящими тонкими крыльями. Раньше стрекоз вроде не было... Вдруг подумалось: а может, все возвращается? Просто люди, их заботы, любви и горести отошли на миг, чтобы земля отдохнула. А потом жизнь потечет привычными перекатами.

Серый, чтобы не задремать, тронул веткой кромку воды. Вода задрожала, пошла кругами, спугнув одну стрекозу.

— Райка.

— Что там?

Она тихо подошла сзади, присела на корточки. И почему-то обняла его, уткнувшись в куртку.

— Задабриваешь? Да не трясись, резать не буду. Толку от вас никакого; хотел бы — давно всех порешил.

Райка сердито отпрянула.

— Сумасшедший дом, — вздохнул Серый, обнимая ее, зарываясь лицом в растрепанные, когда-то коротко стриженные волосы, царапая щекой щеку.

Ветер стряхнул с лозин то ли невысохший дождь, то ли сок, которым они вечно плачут.

— Вон ты где, — обрадовалась Райка, увидев знакомую нескладную спину на песчаной косе, по ту сторону камышей. Далеко забрался.

Степушка коротко обернулся, скривил губы в улыбку и вновь наклонился к чему-то, что он там строил в песке.

Райка разулась и побрела к нему по отмели. А Степушка сидел себе с отрешенной улыбкой, расставив ноги. Наверняка слышал, что его звали на всю речку, но жаль было отрываться.

— Ты обиделся, да? Серый — он не хотел, — говорила Райка, подходя ближе и заглядывая: что у него там все-таки за постройки. — Он хороший. Просто мы все иногда... Степа, ты... Что ты сделал?!

Она закричала. Разом вернулся весь страх, скрытый и явный.

На песке перед Степушкой лежала ящерица. Обычная, большая, с двумя серыми полосками на спине. И без хвоста: видно, отбросила, пока ловил. Ящерица была мертвая. Точнее, убитая — аккуратно зарезанная ножом. А в руке у Степки...

— Так, — Серый в три прыжка очутился возле них. — Что опять за?... Ё-моё...

Он совершенно спокойно ухватил Степку за грудки, рывком поднял. Нож выпал из Степушкиных рук и вонзился в песок.

— Нашел, значит? В камышах? — Серый ростом был ниже Степки,

и Степка болтался сейчас на полусогнутых. Мыкнул в ответ что-то совсем непонятное.

— Значит, так. Если еще раз. Вот этой штукой, — Серый ткнул мокрым ботинком нож, — порежешь кого-нибудь... ящерицу или другого кого... Я тебя... — он сжал губы, уставясь в прозрачно-васильковые глаза, прямо в душу, в мозг. — Больше не встанешь тогда, понял? Здесь будешь лежать. Ни Райки тебе, ни костра, ни харчей — вот тут в камышах положу. Понял?

— По... понял.

Серый отпустил его, и Степушка рухнул, как полотняный мешок с костями.

— Убивать можно только рыбу. Усек?

Степушка обреченно кивнул. И искоса взглянул на Райку. Она отвернулась.

Серый, решив, что воспитательный момент окончен, сел на корягу, вытряхнул из ботинок песок. Потом подобрал нож и, прицелившись, забросил к плотине, на глубину. Лезвие вошло в воду почти без брызг, сверкнув, как рыбешка.

— Если опять всплывет — скажете. Будем библиотеку искать. Книжку с заклинаниями от нечистой силы, — Серый невесело усмехнулся.

Все-таки с ним спокойней, невольно подумалось Райке.

А он отметил про себя, что ножи и шилья теперь надо прятать. Сколько же им еще... Тот враг, которого не увидишь в прицел, шагов которого не услышишь...

Серый посмотрел сквозь свое отражение. Но на мелкоте был виден только контур; в нем песчаное дно, створка ракушки и малек. Враг на время затаился.

Всю дорогу к лодке, а на лодке — до заросшей кувшинками излучины, а от излучины — до меловых расписных берегов Степушка молчал. По болезненно-открытому лицу было видно: о чем-то думал.

День, вопреки ожиданиям, выдался нежарким. Шли и шли добрые, вальяжные, пухлощекие облака. Хоть и равнодушные, как обычно. Но в их пути было что-то более глубокое и осмысленное, чем бесконечная круговерть вод.

— Райка, поиграй, а.

Над рекой снова тянулись туманные тропы. Догорал костер, остывало в лесах солнце, покрываясь ночной золой.

Степушка выплакался и затих: наверно, додумал свою путаную, невысказанную думу.

А Серый размышлял о собаке. Которую зря не позвал. Может, одичала, конечно, — шарахнулась бы и отправилась дальше ловить полевок. А может, признала бы родственную бродячую душу.

Райка пела. Голос и вправду играл, аукаясь в рощах, гукая, как зозуля весной, звенел в луговых колосьях.

Травка подкошена,
Да и только ёна сподвалёна —
В поле травка сохня,
Сохня, сподсыхая,
Да все пылью пошибая —
Без поры, безо времени...¹

Высыпали звезды. Тихо сохли травы, падали семена. Каждому верилось, что когда-нибудь все войдет в свое русло. Только русло это у каждого...

Далеко-далеко на востоке рождалась заря.

¹ Народные песни — украинские и южнорусские.

² Автор стихотворения — Анастасия Картавцева. Оно написано для этого рассказа и оканчивается так:

И, выходя на новый непрожитый круг,
Я понимаю, что бой подозрительно тих,
Я понимаю, что врут, я понимаю, что вру...
Я понимаю, что жду
От своих...

